

ДЖ. БАЛЛАРД

*БЕТОННЫЙ
ОСТРОВ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б20

Серия «Эксклюзивная классика»

J. G. Ballard
CONCRETE ISLAND

Перевод с английского *М. Кононова*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения J.G. Ballard Estate Ltd.
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Баллард, Дж. Г.

Б20 Бетонный остров : [роман] / Дж. Г. Баллард ; [перевод с английского М. Кононова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-107666-5

«Бетонный остров». Роман, наполненный арктическим холодом, реверанс «Робинзону Крузо» Дефо.

Архитектор Роберт Мейтленд, возвращаясь с работы, попадает в аварию и оказывается на бетонном островке меж трех эстакад. Все попытки добиться помощи от проезжающих терпят фиаско — теперь он в изоляции и вынужден выживать, пользуясь лишь тем, что найдет в своем разбитом авто.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© J.G. Ballard, 1973
© Перевод. М. Кононов, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Мечта о том, чтобы оказаться на необитаемом острове, по-прежнему неодолимо влечет нас, как ни малы наши шансы действительно попасть на какой-нибудь коралловый атолл где-то в Тихом океане. Но «Робинзон Крузо» — одна из первых книг, которые мы читаем в детстве, и фантазии не умирают. Нас очаровывают все эти проблемы выживания и задача по созданию действующей модели буржуазного общества со всем его обилием и комфортом — то, с чем так успешно справился Крузо. Это необитаемый остров в качестве приключения на выходные. С полным запасов разбитым кораблем, удобно засевшим на ближайшем рифе, словно магазин по соседству.

А если серьезно, то существует определенный вызов в том, чтобы вернуться к нашей

более примитивной природе, лишиться моральной поддержки со стороны системы, утратить самоуверенность, привитую нам цивилизацией. Сможем ли мы одолеть свой страх, голод и одиночество, найдем ли в себе достаточно мужества и хитрости, чтобы справиться со всем тем, что направит против нас стихия?

А на более глубинном уровне существует и потребность господствовать над островом, потребность превратить эту безымянную территорию в продолжение нашего сознания. Таинственный, окутанный облаками пик, обманчиво тихая лагуна, гниющие мангровые заросли и укромный источник чистой воды — все это таится на периферии нашей психики, полнясь всевозможными соблазнами и опасностями, как, наверное, жило и в душе у наших первобытных предков.

Пусть атолл в Тихом океане недостижим, но существуют другие острова, гораздо ближе к дому, — иные из них всего в нескольких шагах от тротуара, по которому мы шагаем каждый день. Они окружены не океаном, а бетоном, огорожены бронированным забором и стенами из бомбонепробиваемого стекла. Каждому горожанину знаком постоянный подсознательный страх из-за аварии с электропитанием оказаться заточенным в туннеле метро

или застрять на выходные в лифте на верхних этажах покинутого всеми учреждения.

Проезжая через испещренный знаками перекресток, где вроде бы предусмотрены все возможные опасности, за крутыми откосами мы мельком замечаем треугольник пустыря. А что, если по какому-то странному стечению обстоятельств у нас лопнет шина и нас выбросит через ограждение на забытый островок, засыпанный камнями и заросший сорной травой, вне зоны видимости камер наблюдения?

Лежа со сломанной ногой у перевернутой машины, как мы продержимся до прибытия помощи? Как мы привлечем внимание, как подадим знак отдаленным пассажирам, несущимся на автобусе в лондонский аэропорт? Как нам поджечь свой автомобиль, когда возникнет такая необходимость?

Но наряду со множеством ожидающих нас физических трудностей существуют еще и трудности психологические. Насколько мы решительны, насколько можем положиться на себя и собственные побуждения? Возможно, втайне мы надеемся оказаться на необитаемом острове, чтобы сбежать от семьи, от друзей, от ответственности. Современные технологии, как я попытался показать в «Аварии» и «Небоскребе», предлагают нам бесконечный ряд

испытаний для самых причудливых сторон нашей личности. Оказавшись заключенными в учреждении или на островке рядом с авто-страдой, мы можем тиранить себя, испытать свои сильные и слабые стороны и, возможно, примириться с некоторыми аспектами своего характера, на которые всегда закрывали глаза.

А если обнаружится, что на острове обитает кто-то еще, то нас ждет интереснейшая, но крайне опасная встреча...

1. ЧЕРЕЗ БАРЬЕР

22 апреля 1973 года, в начале четвертого, тридцатипятилетний архитектор по имени Роберт Мейтланд ехал по скоростной полосе Вествейской транспортной развязки в центре Лондона. В шестистах ярдах от пересечения с недавно построенным ответвлением автомагистрали М4, когда «Ягуар» уже разогнался до 70 миль в час, его передняя шина, та, что ближе к обочине, лопнула. Отраженный от бетонного парапета хлопóк словно сдетонировал под черепом Роберта Мейтланда. За несколько секунд до катастрофы, ослепленный ударом о хромированную раму окна, Мейтланд вцепился в вырывающуюся перекладину руля. Машина виляла по пустым полосам, и его руки дергались, как у куклы, а изжеванная шина оставляла черный след на белых линиях разметки, идущих вдоль длинного изогнутого откоса. Потеряв управление, автомобиль врезался в сто-

явшие на обочине сосновые щиты — временное ограждение автострады. Съехав с дороги, машина покатила по заросшему травой откосу и ярдах в 30 от него остановилась, наехав на ржавый остов перевернутого такси. Потрясенный скользящим ударом, по касательной задевшем его жизнь, Роберт Мейтланд лежал на рулевом колесе; его пиджак и брюки, как блестящими, засыпало осколками ветрового стекла. В эти первые минуты, когда он приходил в себя, авария оставалась в памяти лишь звуком лопнувшей шины, бьющим в глаза солнечным светом при выезде из туннеля на виадуке, да осколками ветрового стекла на лице. Последовательность стремительных событий, занявших какие-то микросекунды, открылась и захлопнулась за ним, как дверь в ад.

— ...Боже...

Расслышав свой тихий шепот, Мейтланд прислушался. Его руки по-прежнему лежали на треснувшей перекладине рулевого колеса, пальцы бессмысленно растопырились, словно рассеченные. Опершись ладонями о край руля, он выпрямился. Машина остановилась среди кочек, за окном виднелись лишь крапива и выросшая по пояс дикая трава.

Из разбитого радиатора с шипением вырвался пар и брызгала ржавая вода. Мотор

издавал глухое рычание — механический предсмертный хрип.

Заметив неуклюжее положение своих ног, Мейтланд устался в пространство под приборным щитком. Ступни лежали между педалей, словно их в спешке засунул туда таинственный диверсионный отряд, устроивший эту аварию.

Мейтланд пошевелил ногами, и когда они заняли свое обычное положение по обе стороны от рулевой колонки, более-менее успокоился. Педаль отвечала на нажатие ступни. Не обращая внимания на траву и автостраду снаружи, Мейтланд принялся тщательно обследовать свое тело. Он проверил бедра и живот, стряхнул с пиджака осколки ветрового стекла и ощупал грудную клетку — нет ли признаков перелома ребер.

В зеркало заднего вида он осмотрел свою голову. На правом виске виднелся треугольный кровоподтек в виде строительной кельмы. Лоб был забрызган грязью и маслом, попавшими в машину через разбитое ветровое стекло. Мейтланд потер лицо, стараясь втереть в бледную кожу и мышцы хоть какое-то выражение. Из тяжелой челюсти и жестких щек вся кровь отхлынула. Глаза глядели из зеркала бессмысленно, ни на что не реагируя, словно рассматривали психически ненормального близнеца.

Зачем он так мчался? Он покинул свой офис в Мерилебоне в три часа, собираясь избежать столпотворения в часы пик, и у него была куча времени, чтобы ехать с безопасной скоростью. Мейтланд вспомнил, как свернул в центральный круг Вествейской развязки и как направился в туннель виадук. До сих пор в ушах стоял шорох покрышек, когда «Ягуар» несся вдоль бетонного ограждения, гоня за собой пыль и сигаретные коробки. Когда машина выехала из склепа туннеля, апрельское солнце на мгновение ослепило его, радугой заиграв на ветровом стекле...

Ремень безопасности, которым он редко пользовался, висел на крючке у плеча. Мейтланд честно признался себе, что постоянно превышал скорость. Какой-то ген проказника, какая-то врожденная опрометчивость за рулем начинали преобладать над обычной присущей ему осторожностью и рассудительностью. Сегодня, мчась по автостраде, измотанный трехдневной конференцией и поглощенный мыслями о своей несколько двуличной роли при скорой встрече с женой после недели, проведенной с Элен Ферфакс, он чуть ли не сам задумал эту аварию, возможно, в какой-то причудливой рационализации своих поступков.

Укоризненно покачав головой, Мейтланд стянул с руки остатки ветрового стекла. Вле-

реди виднелись ржавые остатки перевернутого такси, в которые врезался его «Ягуар». Наполовину скрытые в зарослях крапивы, рядом валялись и другие обломки, без шин и хромированных частей, с распахнутыми ржавыми дверями.

Мейтланд вылез из «Ягуара» и встал по пояс в траве. Когда он оперся о крышу, горячее целлюлозное покрытие обожгло руку. В укрытии за высоким откосом неподвижный воздух нагрелся от полуденного солнца. По автостраде двигалось несколько машин, над балюстрадой виднелись их крыши. Глубокая колея от «Ягуара», как надрезы гигантского скальпеля, прочертила грунт обочины, отметив место в 100 футах от туннеля, где он съехал с дороги. Эта часть автострады и ее ответвления на запад от развязки открылись для движения всего два месяца назад, и большую часть ограждения еще предстояло установить.

Мейтланд побрел по траве, чтобы осмотреть машину спереди. С одного взгляда стало ясно, что надежды выехать к дороге никакой. Вся передняя часть сморщилась, как вмятая морда. Три или четыре фары разбились, а декоративная решетка запуталась в сотах радиатора. При столкновении двигатель сорвало с креплений и вырвало с рамы. Когда Мейтланд наклонил-

ся проверить картер, в ноздри ударил резкий запах антифриза и горячей ржавчины.

Ремонту не подлежит. Черт побери, а он любил эту машину. Мейтланд прошел по траве к проплешине на земле между «Ягуаром» и откосом автострады. Удивительно, что никто так и не остановился помочь. Выезжавшим из темноты туннеля на ярко залитый солнцем крутой правый поворот водителям было не до разбросанных деревянных щитов.

Мейтланд посмотрел на часы. Было 18 минут четвертого — после аварии прошло чуть больше 10 минут. Бродя по траве, он ощущал бездумье, как человек, только что увидевший нечто ужасное вроде автокатастрофы или публичной казни... Он обещал восьмилетнему сыну, что приедет домой вовремя, чтобы забрать его из школы. Мейтланд представил Дэвида, терпеливо ждущего его за воротами Ричмондского парка, рядом с военным госпиталем. Мальчик и не догадывается, что его отец в шести милях оттуда разбил машину под откосом автострады. По иронии судьбы в эту теплую весеннюю погоду у ворот парка будет сидеть длинный ряд инвалидов войны в своих колясках, словно демонстрируя мальчику все разнообразие увечий, какие мог получить его отец.

Раздвигая руками жесткую траву, Мейтланд вернулся к своему «Ягуару». Даже от этих небольших усилий его лицо и грудь покраснелись. Он в последний раз огляделся с неторопливым видом человека, осматривающего злосчастную территорию, которую собирается покинуть навсегда. Все еще потрясенный аварией, он уже начал ощущать ушибы на бедрах и на груди. Ударом его, как манекен, швырнуло на руль — вторичное столкновение, как скромно называют это инженеры по безопасности. Успокоив себя, он прислонился к багажнику. Хотелось сохранить в душе это заросшее травой место с заброшенными машинами, где он чуть не расстался с жизнью.

Рукой прикрыв глаза от солнца, Мейтланд увидел, что авария забросила его на остров посреди дорог. Треугольный островок на пустыре между тремя сходящимися автострадами протянулся ярдов на 200. Острая вершина его указывала на запад, на заходящее солнце, чьи теплые лучи сияли над отдаленными телестудиями Уайт-сити. Основанием же служил идущий с севера на юг виадук, протянувшийся в 70 футах над землей. Поддерживаемое массивными бетонными опорами, его шестиполосное полотно было скрыто из виду рифлеными металлическими щитами, установленными для защиты проезжающих внизу автомобилей.

За спиной у Мейтланда находилась северная стена острова, тридцатифутовый откос идущей на запад автострады, с которой он и слетел. Впереди, образуя южную границу, располагался крутой откос трехполосной примыкающей дороги, которая изгибалась под виадуком на северо-запад и вливалась в автостраду у острой вершины острова. Ее засеянный молодой травкой откос хотя и находился всего в какой-то сотне ярдов, но не был виден в перегретом свете острова из-за дикой травы, остовов машин и строительного оборудования. По примыкающей дороге двигались машины, но металлическое ограждение скрывало остров от водителей. Из бетонных кессонов на обочине вздымались высокие мачты трех указателей направлений.

Мейтланд обернулся. По автостраде ехал автобус в аэропорт. Направлявшиеся в Цюрих, Штуттгарт и Стокгольм пассажиры на верхнем этаже сидели, выпрямившись на своих сиденьях, как компания манекенов. Двое из них, мужчина средних лет в белом плаще и молодой сикх в тюрбане на маленькой головке, посмотрели сверху на Мейтланда и на несколько секунд встретились с ним глазами. Он поймал их взгляд, но решил не махать рукой. Что они подумали, чем он там занима-

ется? С верхнего этажа автобуса его «Ягуар» вполне мог показаться невредимым, и его самого могли принять за дорожного смотрителя или инженера.

Под виадуком, на восточной оконечности острова, ограждение из проволочной сетки отделяло треугольник пустыря от неофициальной муниципальной свалки. В тени под бетонным пролетом виднелось несколько выброшенных мебельных фургонов, куча ободранных рекламных щитов, горы покрышек и металлического хлама. В четверти мили за виадуком сквозь ограду виднелся местный торговый центр. Вокруг маленькой площади мимо еще не покрытых материей навесов перед многочисленными магазинами ехал красный двухэтажный автобус.

Очевидно, с острова не было иного выхода, кроме как по откосу. Мейтланд вынул из замка зажигания ключи и открыл багажник. Шансы, что какой-нибудь бродяга или сборщик металлолома найдет здесь машину, были невелики — с двух сторон остров отделяли от окружающего мира высокие откосы, а с третьей — проволочная сетка. Местные власти еще не нашли, кого заставить благоустроить этот участок, и изначальное содержимое убогого пустыря с его ржавыми машинами и дикой травой оставалось нетронутым.